

В целом, конечно, можно согласиться с высказанной в книге мыслью, что в настоящее время необходимо расширять активно-творческие виды культурной самостоятельности; это касается участия в художественной самостоятельности, рационализации и изобретательстве. То же самое относится и к таким компонентам бытовой деятельности, как занятия физкультурой, общение с природой и т. д.

Серьезное внимание уделяется вопросу о совмещении рабочими труда с учебой, о повышении самообразования, т. е. таким элементам культурно-бытовой жизнедеятельности, которые выходят за рамки чисто досуговых форм времяпрепровождения. Однако для того, чтобы учеба естественно вошла в быт многих людей, не причинив ущерба другим компонентам вне рабочего времени, в том числе досугу, авторы предлагают рассматривать ее, хотя бы отчасти, как элемент общественно-необходимого времени.

Положительной стороной рецензируемой книги является серьезность и актуальность поставленных в ней проблем. К ним можно отнести и вопрос о преодолении в сфере быта ряда вредных пережитков, в том числе пьянства.

Все эти проблемы в той или иной степени ставились и ставятся и в этнографических работах, посвященных быту городских рабочих, хотя подход к их решению и методы исследования, естественно, несколько иные. В то же время в книге Л. А. Гордона, Э. В. Клопова и Л. А. О니кова есть раздел, который должен вызвать особый интерес исследователей, в том числе этнографов. Авторы ставят и решают вопрос о рациональном бюджете времени как целевом нормативе повседневной жизнедеятельности. На основе изучения изменений в бюджете времени городских рабочих в прошлом и настоящем, тенденций и перспектив его развития, анализа бытового времяпрепровождения передовых групп рабочих, а также с учетом общих социально-экономических и культурных преобразований в нашей стране в книге дается примерный расчет рационального бюджета времени городских рабочих. Авторы, естественно, оговариваются, что это не тот тип времяпрепровождения, который будет достигнут в течение ближайших 10—15 лет, а идеал, эталон, применимый к рабочим крупных городов, и большинство его показателей носит приблизительный, зачастую оценочный характер. Однако в методическом отношении, а также для понимания и оценки общих тенденций развития быта городских рабочих эти расчеты имеют несомненное значение.

Можно сказать, что книга Л. А. Гордона, Э. В. Клопова и Л. А. Оникова важна и актуальна не только по своим теоретическим выводам и материалам, но и в методическом отношении. Этот аспект особенно интересен для этнографов. В то же время построение всей работы главным образом на основе бюджетов времени несомненно ограничивает исследование, так как этот источник не позволяет глубоко изучить не только содержательные стороны бытового времяпрепровождения, но и той части быта, которая относится к взаимоотношениям людей и считается этнографами одной из основных составляющих семейного быта. Авторы сами указывают на принципиальную невозможность достаточно полно осветить эти проблемы с помощью средств, используемых в рамках данного анализа (стр. 83). В результате такие проблемы, как воспитание детей и общение в сфере досуга исследованы в работе неполно, а вопросы об отношении к женщине, взаимоотношениях между членами семьи и т. п. остались за пределами исследования.

Рассматривая перспективы развития быта городских рабочих в зависимости от многих факторов, авторы в то же время не могли, естественно, учесть все их многообразие. По нашему мнению, следовало уделить внимание таким характеристикам, как уровень квалификации рабочих, их возраст, национальность. Во многих этнографических работах показано, например, что в настоящее время быт городских рабочих в разных республиках имеет определенное национальное своеобразие. Книга, посвященная историческому анализу быта рабочего класса, тенденциям и перспективам его развития, несомненно, выиграла бы, если бы авторы учитывали этнические особенности быта рабочих.

Все сказанное не снижает значения рецензируемой книги, которая несомненно привлечет внимание не только научной общественности, но и массового читателя.

Л. В. Остапенко

Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения. Кишинев, 1977, 459 с.

Монографические описания тех или иных народов относятся к числу наиболее законченных и цельных этнографических исследований. В настоящее время список таких, к сожалению, еще немногочисленных, работ обогатился книгой, посвященной молдаванам — народу со сложной историей, своеобразной и яркой материальной и духовной культурой. Такая монография имеет не только научное, но и определенное идеологическое значение в связи с продолжающейся публикацией за рубежом (в США, ФРГ, Франции и других странах) тенденциозных работ, авторы которых искажают историю

Молдавии. От традиционных этнографических работ монография (как отчасти видно и из ее заголовка) отличается тем, что в ней большое внимание уделяется истории (особенно социально-экономической истории), а также профессиональному искусству.

Репензируемый труд (ред. Я. С. Гросул, А. М. Лазарев, В. С. Зеленчук), объемом около 40 печ. л., состоит из четырех больших разделов: 1. «Социальное и этническое развитие молдавского народа»; 2. «Хозяйство и материальная культура»; 3. «Социально-экономическое и культурное развитие городов Молдавии» и 4. «Духовная культура». Всего в работе 15 глав.

Первый раздел включает главы: «Ранняя этническая история молдаван» и «Этническое и социальное развитие молдавского народа в XIX—XX вв.», посвященные описанию процесса формирования волохов — ближайших предков молдаван, сложению и развитию молдавского этноса — от феодальной молдавской народности до социалистической молдавской нации. Хорошо показана роль, которую играли в этногенезе молдаван восточные славяне, во многом определившие специфику развития молдаван в отличие от родственных им мунтян (и позже — от румын). Следует сказать, что история сложения молдавской народности была бы более полной, если бы она содержала больше сведений о становлении молдавского языка. Немаловажное значение имел бы и показ роли церкви, объективно способствовавшей, например, борьбе молдаван против турецкого гнета.

Для показа этнической истории молдаван особенно важен содержащийся во второй главе этого раздела параграф о формировании молдавской буржуазной нации в пределах России. Эта большая и сложная тема, включающая в себя, в частности, и анализ процесса социально-экономического и этнического обособления формировавшейся молдавской нации от западных молдаван, вошедших в состав Румынии и слившихся там с мунтянами в румынскую нацию, заслуживает разработки в специальной монографии. В рецензируемой работе некоторые аспекты этой темы лишь намечены, а другие даны очень кратко; бросается в глаза, что посвященный ей параграф значительно уступает по объему предшествовавшему параграфу о судьбах молдавской сельской общины. Слабо показано, например, что экономическая база молдавской буржуазной нации формировалась в рамках общероссийского рынка. Правильно отмечены значительная роль молдавской интеллигенции в развитии национального самосознания, а также существование двух направлений в молдавском национальном движении начала XX в.: революционно-демократического и буржуазного. Следовало бы уточнить, однако, что основное расхождение между ними заключалось не столько в том, что «деятели молдавского буржуазного национального движения, будучи идеологами эксплуататорских классов, стремились лишь к автономии» (стр. 48), ибо сепаратизм в тех условиях вел к регрессу, сколько в том, что эти деятели видели национальное развитие молдаван лишь в рамках буржуазного общества, не связывали решение национального вопроса с коренными социально-экономическими преобразованиями.

Второй раздел включает главы: «Сельское хозяйство Молдавии в XVIII — начале XX в.», «Сельские промыслы и ремесла», «Сельское хозяйство Советской Молдавии», «Поселения и жилища», «Одежда и ткачество». Эти главы основаны на богатом фактическом материале и снабжены многочисленными иллюстрациями. Описания поселений и жилищ, земледелия, виноградарства и виноделия, садоводства, животноводства, сельских промыслов (рыболовства, пчеловодства и др.) и ремесел (гончарное дело, обработка дерева, ткачество), одежды слагаются в яркую этнографическую характеристику занятий и материальной культуры жителей Молдавии. К сожалению, излагаемый материал часто привязывается не к этническим группам, а к географическим районам Молдавии (северный район, южный район и т. п.), но по приводимой терминологии можно догадаться, что он относится главным образом к молдаванам. Особенно благоприятное впечатление производят параграфы, посвященные описанию жилища и одежды молдаван. Досадно, что в столь обстоятельной работе нет характеристики пищи и домашней утвари, а без этого картина материальной культуры молдаван осталась незавершенной.

Авторы старались показать историческое развитие тех или иных хозяйственных занятий, орудий труда и т. п. Такой подход позволил, в частности, более ярко обрисовать существенные преобразования в сельском хозяйстве Молдавии, происшедшие за годы Советской власти. Однако иногда такие исторические экскурсы простираются излишне далеко, например при характеристике рыболовства — к первым векам нашей эры, когда не сложились еще и предки молдаван — волохи. Эти места, видимо, можно было сократить, что позволило бы выделить четкие занятия, характерные именно для молдаван.

Третий раздел монографии «Социально-экономическое и культурное развитие городов Молдавии» состоит из глав: «Города Молдавии в XIII—XIX вв.», «Социальные и культурные преобразования в городах Молдавии в годы Советской власти» и «Промышленность и рабочий класс». По своему содержанию этот раздел относится к области социально-экономической истории и поэтому несколько выпадает из этнографической в целом тематики работы. Впрочем, дело здесь не столько в содержании данных глав, важном для понимания экономического и социально-этнического развития молдаван, для показа успехов промышленного развития всей республики за советский период, сколько в том, что материал в главах обычно подается безотносительно к его национальному аспекту. Раздел изобилует цифровыми данными о росте числа промыш-

ленных предприятий, динамике выпуска промышленной продукции и т. п., но имеющийся этностатистический материал, как это ни странно, относится лишь к дореволюционному периоду.

Существенный интерес в этностатистическом отношении представляет таблица динамики национального состава городов Бессарабии в XIX в. (стр. 216), где из приведенных цифр на 1844, 1862 и 1897 гг. видно постепенное сокращение процента молдаван почти во всех городах этой губернии. Следовало бы сказать о причинах замедленной миграции молдаван в города; вместе с тем уместно было бы отметить, что сравнительно низкая доля молдаван среди горожан Бессарабии на 1897 г. (около 15%) отчасти объясняется тем, что исходные материалы переписи 1897 г. основаны на учете «родного языка» населения и что часть молдаван в городах могла показать своим родным языком русский. Материалы советских переписей населения, к сожалению, остались неиспользованными, хотя именно они свидетельствуют об изменении ситуации — о быстром росте молдавского городского населения; только за период между переписями населения 1959 и 1970 гг. доля молдаван в общей массе горожан Молдавской ССР возросла с 28,2 до 35,0%. Большой интерес представили бы и данные о росте национальных кадров рабочего класса и национальной интеллигенции, так как характеристика социально-классовой структуры молдавского этноса является одним из наиболее существенных его параметров.

Четвертый раздел монографии посвященный духовной культуре (включая язык) — самый большой по объему (он занимает почти половину всего текста) и, пожалуй, самый сложный по содержанию — состоит из глав: «Верования и обряды в XIX — начале XX вв.», «Современный общественный и семейный быт», «Язык и литература», «Народное творчество» и «Искусство». Поскольку в настоящее время специфика традиционной материальной культуры у молдаван, как и у других народов СССР, постепенно уменьшается, центр этничности перемещается в духовную культуру, в элементах которой ищет свою опору и национальное самосознание, именно эти главы несут основную этнографическую нагрузку.

Существенный этнографический интерес представляет первая из глав раздела, в которой рассматриваются традиционные формы проведения досуга различными половозрастными группами молдаван в те или иные времена года, верования молдаван (главным образом дохристианские), семейная обрядность (обряды, связанные со свадьбой, родами, смертью и похоронами) и календарная обрядность, приуроченная к сезонным циклам полевых работ. В следующей главе показано, как в советское время в ходе коммунистического воспитания трудящихся шло преодоление религиозных пережитков, возникали новые черты в общественном и семейном быту (новые формы отдыха, новые праздники и обряды и т. п.). Этнографический характер имеет и глава о народном творчестве, в которой дано описание народного устно-поэтического и драматического творчества и музыкального фольклора.

В главе «Язык и литература» важный параграф о языке сильно ослаблен тем, что написан кратко, по существу не для этнографической, а для лингвистической работы; основное место в нем занимает фонетический и морфологический анализ молдавских говоров; о формировании молдавского литературного языка сказано очень скупо, неясно на какой диалектальной основе он создан, какие в нем заимствования из других языков (например из русского) и т. д. Ничего не говорится о современной этноязыковой ситуации в Молдавской ССР, в частности о распространении молдавско-русского двуязычия, с привлечением для этого анализа материалов переписи населения 1970 г. Этот пробел особенно заметен при сравнении параграфа о языке с параграфом о литературе, где хорошо показаны плодотворность русско-молдавских литературных связей и развитие молдавской литературы в русле всей многонациональной советской литературы.

Большой интерес представляет последняя глава монографии, посвященная профессиональному искусству, к которому в прошлом имели доступ лишь представители правящих классов. В ней дана характеристика изобразительного искусства, музыки, театра, танцевального искусства, киноискусства, архитектуры и градостроительства. Не все эти очерки равноценны, бросается в глаза некоторая растянутость параграфов о музыке и театре, различия в стиле отдельных параграфов и т. п. Однако в целом они получились удачными. Как и другие параграфы книги, они построены по историческому принципу, характеризуют то или иное явление в его развитии; в них показаны, с одной стороны, корни профессионального искусства, уходящие в народно-бытовое творчество, с другой стороны — органическая связь развивавшегося молдавского искусства с искусством других народов страны, многонациональный характер современного профессионального искусства Молдавии (особенно таких его новых форм, как кино и телевидение), связь его со всем советским искусством.

К приведенным замечаниям необходимо добавить еще два. В книге, обильно снабженной иллюстрациями, нет ни одной карты; особенно бросается в глаза отсутствие карты расселения молдаван или этнической карты Молдавии, дополненной, конечно, этностатистическими материалами переписей. Заметным недостатком являются пока еще слабые попытки соединения этнографического материала, относящегося к прошлому и настоящему молдаван, с развитием этнических процессов, прежде всего — с современным процессом межнациональной интеграции.

Сделанные замечания не нарушают общего вполне благоприятного впечатления от монографии «Молдаване», выход которой составил заметный этап в развитии исторической и этнографической науки в Молдавии. Этот обобщающий труд, показывающий культуру и быт молдавского народа и их преобразования в ходе строительства социализма, несомненно, заслуживает переиздания.

В. И. Козлов

В. В. Пименов. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977, 262 с.

Последние 10—15 лет ознаменованы активными поисками в области совершенствования методов этнографического изучения народов СССР. Перед нами новая работа В. В. Пименова, представляющая результат применения количественных методов к исследованию этноса. Эта книга — итог длительных раздумий и большого серьезного труда, связанного с разработкой целостной методики по сбору массовых данных, с обработкой их на ЭВМ (она осуществлена доктором исторических наук В. А. Устиновым) и с интерпретацией полученных сведений при помощи некоторых статистических методов.

Книга В. В. Пименова — одно из немногих исследований, которое посвящено анализу не только отдельных этнических характеристик, но и изучению этноса в целом (удмуртов, живущих в пределах Удмуртской АССР). Отбор единиц наблюдения осуществлен с помощью репрезентативной выборки (в нее вошло 2139 человек: 919 в городах и 1220 в селах; подробнее о выборке см. стр. 25, 26). Подобное массовое обследование потребовало не только специальных знаний, но и больших организационных усилий по подготовке инструментария, подбору интервьюеров, обработке опросных листов, а также освоения опыта использования статистических приемов исследования.

Теоретическая часть книги В. В. Пименова хорошо продумана. Можно возражать против некоторых положений автора, но ему никак нельзя отказать в стремлении тесно увязать эмпирическое исследование и теоретические концепции. Всей книге и каждой из ее глав — о социально-демографических характеристиках этноса, о межэтнических контактах, об этноязыковых процессах, обрядовой жизни, материальной культуре, фольклоре, профессиональной духовной культуре, о некоторых этнопсихологических характеристиках — предпосланы разделы, излагающие взгляды автора по теории каждого из анализируемых явлений. Позитивной является попытка автора представить этнос как внутренне координированную и субординированную социальную систему и рассмотреть все компоненты этноса во взаимной связи, а также раскрыть по возможности «механизм» этой связи.

В. В. Пименов достаточно подробно останавливается на методологических проблемах исследования. В книге выражено стремление на основе принципов марксистско-ленинской материалистической диалектики приблизиться к рассмотрению законов, которые «регулируют» этническое развитие, показать этнос как развивающуюся систему, выявить причинно-следственные связи диалектического развития каждой из компонент этноса и этноса в целом. Попытка выйти на уровень широких обобщений выделяет эту книгу среди многих исследований.

В предисловии ответственный редактор книги К. В. Чистов отмечает, что в центре внимания автор поставил этнические и этнокультурные проблемы. Сам Пименов, впрочем, смотрит на свои задачи более широко. «Общий замысел исследования — пишет он — состоит в попытке, пользуясь системным подходом, выяснить существующие закономерности функционирования, а отчасти и эволюции конкретного этноса», проследить «изменение роли и значения отдельных компонент в системе этноса», трансформацию компонент этноса под влиянием противоречий, свойственных этносу, и их взаимосвязь с процессами разнообразных межэтнических взаимодействий (стр. 20, 21).

В ходе работы, в процессе анализа эмпирических данных, В. В. Пименов формулирует также ряд заслуживающих внимания положений, использование которых как в его настоящем исследовании, так и в будущем представляется продуктивным. К их числу, например, относится концепция рекультурации (стр. 37, 38 и др.), с помощью которой удачно раскрывается взаимодействие противоречивых тенденций в процессе функционирования культуры — тенденции к вытеснению многих традиционных элементов культуры и тенденции к их сохранению и воспроизводству в новых — профессиональных и индустриальных — формах; соображение по поводу соотношения сторон и слоев культуры: в рамках традиционного для этнографии членения культуры на материальную и духовную автор выделяет также «нижний» (традиционный) и «верхний» (современный) слои. Такое членение, все шире утверждающееся, облегчает анализ явлений, подлежащих измерению (стр. 139—141).

Хотелось бы отметить, что в рецензируемой книге немало и частных наблюдений, которые, надо думать, привлекут внимание исследователей. Так, изучая межэтнические